

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ТИГР СТРЕЛКА ШАРПА

ТРИУМФ СТРЕЛКА ШАРПА

КРЕПОСТЬ СТРЕЛКА ШАРПА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 67

Bernard Cornwell
SHARPE'S TIGER
Copyright © 1997 by Bernard Cornwell
SHARPE'S TRIUMPH
Copyright © 1998 by Bernard Cornwell
SHARPE'S FORTRESS
Copyright © 1998 by Bernard Cornwell
All rights reserved

Перевод с английского Сергея Самуилова

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Карты выполнены Юлией Каташинской

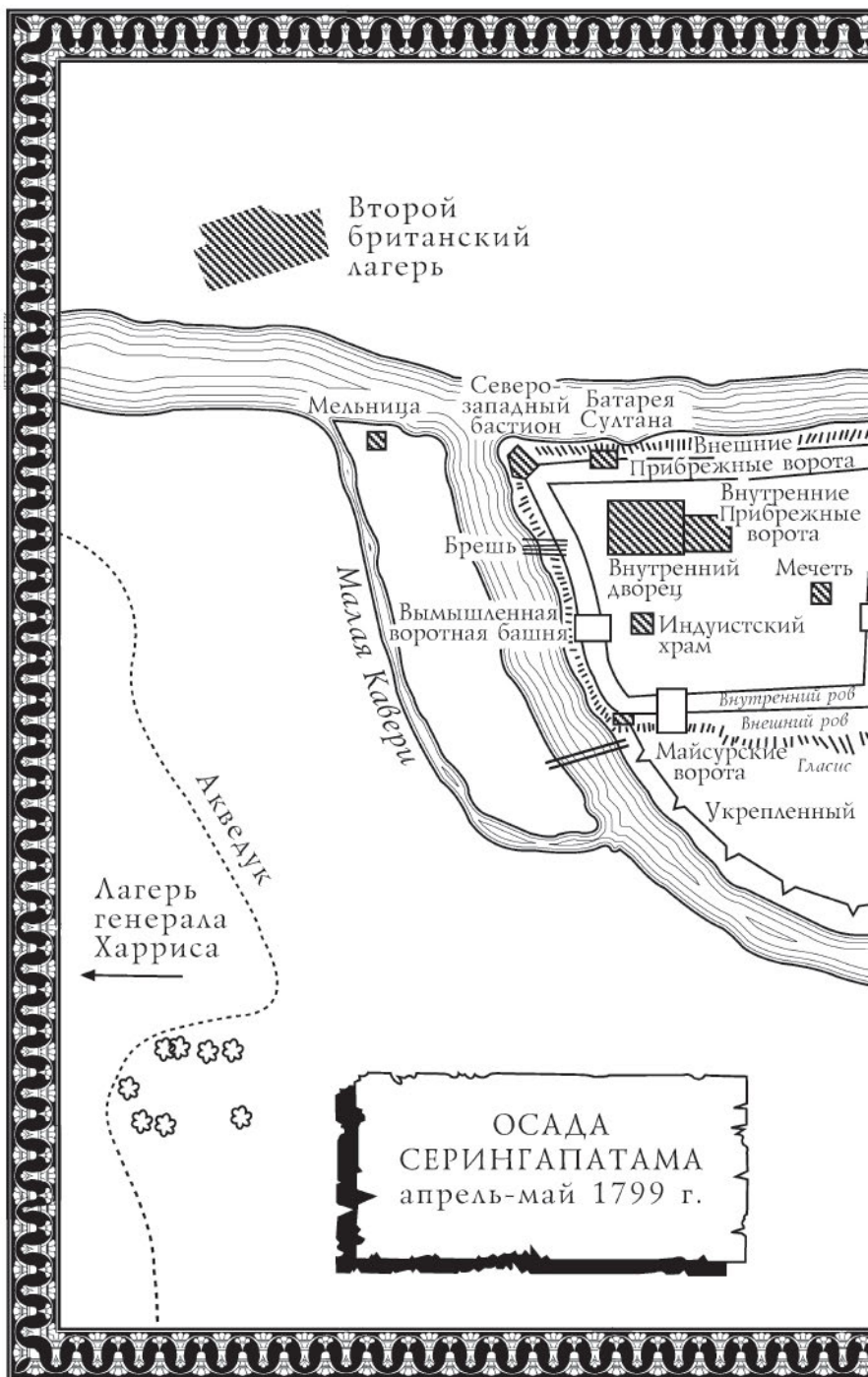
ISBN 978-5-389-17988-2

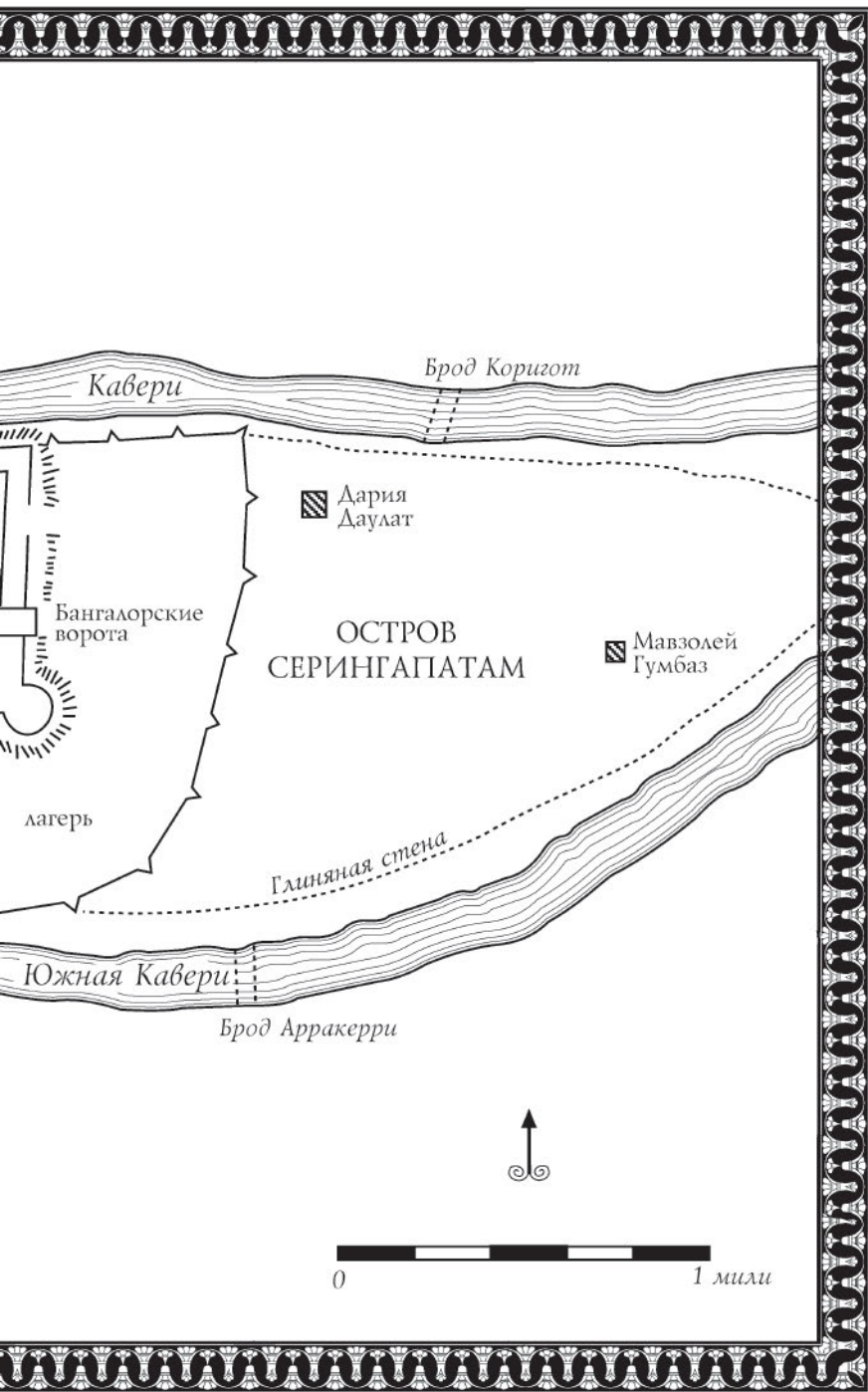
© С. Н. Самуилов, перевод, 2007
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ТИГР
СТРЕЛКА ШАРПА

*Мюир Сазерленд и Малкольму Крэддоку,
с благодарностью*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Странно, думал Ричард Шарп, в Англии стервятников, похоже, нет. Он их, по крайней мере, не видел. И отвратительные же твари! Ни дать ни взять крысы с крыльями.

Шарп много размышлял о стервятниках, и времени для размышлений хватало, потому что он был солдатом, рядовым, и по большей части за него думала армия. Армия решала, когда ему вставать, когда спать, когда есть, когда шагать в строю, а когда сидеть и ничего не делать. Именно этим он чаще всего и занимался — сидел и ничего не делал. Шевелись, поторапливайся и убивай время — такой в армии порядок. Шарп был сыт этим порядком по горло. Надоело. Вот он и подумывал, как бы удрать.

С Мэри. Сбежать. Дезертировать. Именно об этом он сейчас и размышлял, что было довольно странно, потому что армия как раз вознамерилась бросить Ричарда Шарпа в первое настоящее сражение. В одном ему уже довелось поучаствовать, но то было пять лет назад и осталось в памяти какими-то смутными клочками. Никто не знал, по какой такой причине 33-й полк оказался во Фландрии и какая у него боевая задача, и в конце концов они, как всегда, совершили пару непонятных маневров да постреляли в скрытых туманом французов, так что все закончилось, еще не успев как следует начаться. Однако два человека погибли у него на глазах. Лучше всего Шарпу запомнилась смерть сержанта Хоторна, потому что попавшая ему в грудь пуля сломала ребро и оно выскочило через мундир. Крови почти не было, и все видели только белую кость, торчащую из-под полинявшей красной ткани. «Хоть шляпу вешай», — с оттенком удивления произнес Хоторн, после чего захрипел, захлебнулся кровью и упал. Шарп продолжал заряжать и палить, но, когда война уже начала ему нравиться, батальон отступил, погрузился на корабль и отплыл в Англию. Такое вот сражение.

И вот теперь Индия. Шарп понятия не имел, зачем вторгся в Майсур, да, честно говоря, об этом и не задумывался. Король Георг III пожелал, чтобы он, Ричард Шарп, отправился в Индию, и Ричард Шарп отправился. Только вот теперь королевская служба Ричарду Шарпу изрядно надоела. Он был молод и считал, что в жизни есть кое-что повеселее, чем пошевеливаться и бездельничать. В молодости можно, например, делать деньги. Не то чтобы он был в курсе, как их делать — если только не красть, — зато точно знал, что сыт по горло и что на свете есть занятия поинтереснее, чем сидеть у кучи дерьма. Именно так, у кучи дерьма, снова и снова повторял себе Ричард Шарп, и все знают, что там, у этой кучи, наверху. Уж лучше удрать, говорил он себе. Успех приходит к тому, у кого есть что-то в голове и кто умеет пнуть ближнего раньше, чем ближний пнет тебя, а Ричард Шарп полагал, что наделен обоими талантами в достаточной мере.

Только вот куда бежать в Индии? Половина местных получала денежки от британцев, и эти могли сдать дезертира за пригоршню жалких пайсов; другая половина дралась против британцев или, по крайней мере, собиралась с ними драться. Попав к ним, Шарпу пришлось бы служить уже в их армии. Конечно, там бы он получал больше, может быть, даже намного больше паршивых двух пенсов в день, которые ему платили здесь, но что толку менять одну форму на другую? Нет, бежать надо туда, где его не найдет никакая армия, а иначе — встреча с расстрельной командой. Душное утро, вспышки выстрелов, мелкая ямка вместо могилы, и на следующее утро крылатые крысы будут клевать твои кишки, как стая дроздов — червяков на лужайке.

Вот почему Шарп думал о стервятниках. Он собирался удрать, но не хотел становиться кормом для крылатых тварей. Главное — не попасться. В армии это правило номер один и единственное, которое действительно надо соблюдать. Потому что, если попадешься, ублюдки сдерут с тебя шкуру плетками или нащипуют грудь мушкетными пулями, и ты опять-таки достанешься крылатым крысам.

Стервятники были здесь всегда и повсюду, порой они кружили, расправив длинные крылья, на теплых потоках восходящего воздуха, порой сидели, нахохлившись, на ветках. Птицы кормились мертвечиной, и армия на марше исправно снабжала их пропитанием. Тем более что сейчас, в последний год восемнадцатого столетия, по плодородной равнине в Южной Индии двигались две союзные армии. Одна британская, другая — союзника бри-

танцев Низама Хайдарабадского. И обе притягивали стервятников невиданным угощением. Дошли лошади, дошли быки, дошли верблюды, подошли даже два казавшихся несокрушимыми слона, а еще дошли люди. За каждой из армий тащился длинный, раз в десять длиннее боевых порядков хвост: торговцы, скотники, шлюхи, жены и дети, — и их нестройные ряды, как и ряды военных, косила безжалостная чума. Люди умирали от дизентерии, захлебывались собственной рвотой, тряслись от лихорадки. Они умирали, хватая последние глотки воздуха, умирали, истекая потом, мечась как безумные в бреду, с распухшей от кровоточащих или гнойных язв кожей. Умирали мужчины, женщины и дети, и, независимо от того, закапывали их или сжигали, в конце концов стервятники добивались до всех. Добивались, потому что хоронящим всегда чего-то не хватало: то дерева, чтобы должным образом устроить погребальный костер, — и проклятые птицы склевывали полусваренную плоть с обуглившимся костям, — то времени, чтобы как следует закидать могилу камнями, — и тогда летучие падальщики добивались до раздувшихся, гниющих тел и подчищали своими крючковатыми клювами то, что осталось после жадных клыков других животных.

Нынешний жаркий мартовский день обещал богатый пир, и, как будто чуя добычу, все больше и больше стервятников присоединялось к парящему над шагающими людьми черному кругу. Не двигая крыльями, птицы просто скользили на восходящих потоках, поднимаясь, опускаясь и, как всегда, выжидая, словно знали, что скоро по их глоткам потечет сок мертвых.

— Мерзкие твари, — сказал Шарп, — просто крысы с крыльями.

Ему никто не ответил. Никто не пожелал потратить лишний вдох. В воздухе стояла пыль, поднятая идущими впереди, и те, кто шел сзади, пробивались сквозь теплую зернистую пелену, от которой сохло горло и щипало глаза. Большинство просто не замечали стервятников, другие же настолько устали, что не обратили внимания на кавалерию, внезапно появившуюся в полумиле к северу. Всадники неспешно миновали расцветшую ярко-красным рощу и перешли на рысь. Обнаженные сабли блеснули на солнце, когда удалившийся было от пехоты отряд внезапно развернулся и остановился. Шарп присмотрелся — кавалерия была британская. Воображалы явились поглазеть, как дерутся настоящие солдаты.

Впереди, на небольшом возвышении, где на фоне раскаленного добела неба вырисовывались силуэты других конников, ухнула пушка. Над равниной, раскалывая воздух, пронесся глухой,

злбный вой. Белое облачко дыма поплыло вверх, а тяжелое ядро шмякнулось в кусты и, разметав листья, цветы и куски запекшейся земли, запрыгало, теряя силу, чтобы ткнуться в сморщенное упавшее деревце, ответившее на удар слабым фонтанчиком бледной трухи. Снаряд разминулся с пехотой на добрых пару сотен шагов, но звук выстрела встряхнул уставших солдат.

— Господи! — донеслось сзади. — Что это?

— Дохлый верблюд пернул, а ты что думал? — ответил капрал.

— Те еще стрелки, — заметил Шарп. — Моя мамаша и то лучше бы с пушкой управлялась.

— Я и не знал, что у тебя есть мать, — откликнулся рядовой Гаррард.

— Мать есть у каждого, Том.

— Только не у сержанта Хейксвилла. — Гаррард сплюнул слюну вперемешку с пылью. Колонна остановилась, но не по приказу, а скорее потому, что вражеское ядро смутило шедшего впереди роты офицера, который уже не был уверен, куда именно ему следует вести батальон. — Хейксвилла родила не женщина, — зло продолжил Гаррард и, стащив кивер, утер рукавом вспотевшее лицо. На лбу остались едва заметные полоски красной краски. — Хейксвилл — порождение дьявола, — добавил он, водружая кивер на белые напудренные волосы.

Интересно, подумал Шарп, захочет ли Том Гаррард бежать вместе с ним. Двоим выжить легче, чем одному. А Мэри? Согласится ли она? Он много думал о Мэри — странным образом получалось так, что, о чем бы другом он ни размышлял, мысли все равно так или иначе сворачивали к ней. С чего бы это? Мэри была вдовой сержанта Биккерстаффа, полукровкой — наполовину англичанкой, наполовину индианкой, — и ей было двадцать два. Как и Шарпу. По крайней мере он так считал, хотя ему могло быть и двадцать три или двадцать один. Точно Шарп не знал по той простой причине, что матери, которая могла бы сказать сыну, сколько ему лет, у него не было. То есть, конечно, мать-то была, мать есть у каждого, но не у каждого мать — шлюха с Кэт-лейн, исчезнувшая сразу после рождения ребенка. Младенца назвали в честь богатого покровителя сиротского приюта, в котором он и рос; увы, толку от имени было мало, и привело оно Ричарда Шарпа на дно вонючей ямы, называемой армией. И все-таки он верил, что будущее у него есть. К тому же Мэри знала парочку местных наречий, что пришлось бы кстати, решишь они с Томом дать деру.

Кавалерия справа от колонны снова снялась с места и скрылась за распутившимися деревьями, оставив за собой медленно ползущее облачко пыли. Две легкие, влекомые лошадьми шестифунтовые пушки последовали за отрядом, опасно подпрыгивая на неровностях местности. Все прочие орудия в армии тащили быки, но в легкие впрягали лошадей, передвигавшихся со скоростью втрое большей, чем медлительные тягловые животные.

Вражеская пушка выстрелила еще раз, и мощный резкий звук как будто проткнул неподвижный воздух. Шарп видел на высоте и еще несколько орудий, однако они не стреляли, наверное, потому, что не могли сравниться с большой пушкой по дальностью. В следующее мгновение он заметил в воздухе серый след, как будто кто-то чиркнул вертикально карандашом по бледно-голубому небу, и понял, что громадный снаряд летит прямо на него, и ветра, который мог бы сбить тяжеленное ядро со смертоносной траектории, нет, и времени как-то увернуться тоже нет, и остается только признать близость смерти, но снаряд врезался в землю в дюжине шагов от Шарпа, подпрыгнул, перелетел через его голову и, не причинив никому вреда, укатился в поле сахарного тростника.

— Похоже, эти скоты поставили наводящей твою старушку, Дик, — заметил Гаррард.

— Не болтать! — проскрипел вдруг рядом голос сержанта Хейксвилла. — Поберегите дыхание. Что ты сказал, Гаррард?

— Ничего, сержант. Запыхался, дышать нечем.

— Запыхался? — Пробежав вдоль колонны, сержант Хейксвилл остановился рядом с Гаррардом. — Дышать нечем? Тогда ты мертв, рядовой Гаррард! Сдох! А раз ты сдох, то ни королю, ни стране пользы от тебя никакой. Хотя ее и раньше не было. — Злобные глазки сержанта впились в Шарпа. — Это ты трепал языком, Шарпи?

— Не я, сержант.

— Приказа болтать не было. Если король пожелает, чтобы вы разговаривали, об этом скажу вам я. Так написано в скрижали, имя которой — устав. Дай мне свое ружье, Шарпи. Живо!

Шарп подал сержанту мушкет. Именно приход в роту Хейксвилла окончательно укрепил его в мысли, что с армией пора расставаться. К и без того опостылевшей скуке сержант добавил несправедливость. Не то чтобы Шарп так уж волновался по поводу несправедливости — в конце концов справедливость в этом мире

удел богачей, — но у Хейксвилла несправедливость содержала такую долю злобности, что в роте не осталось, пожалуй, ни одного человека, который не был бы готов к мятежу, и удерживало их лишь понимание одной истины: сержант видит каждого насквозь и только и ждет малейшего повода для расправы. Оскорбить, спровоцировать на грубость и наказать — на это Хейксвилл был мастер. Он всегда опережал вас на пару шагов, поджидая за углом с дубинкой. Дьявол, самый настоящий дьявол в отлично подогнанной форме, украшенной сержантскими нашивками.

Однако, посмотрев на Хейксвилла, вы видели образцового солдата. Да, лицо его, какое-то странно комковатое, то и дело подергивалось, как будто под докрасна обожженной солнцем кожей крутился и вертелся некий злой дух, но глаза были голубые, напудренные волосы белы, как никогда не падавший на эту землю снег, а мундир сидел так, словно сержант стоял в карауле у Виндзорского замка. Строевые упражнения Хейксвилл выполнял с такой прусской четкостью, что наблюдать за ним было одно удовольствие, но когда лицо дергалось, а по-детски невинные голубые глаза вспыхивали и бросали на вас косой взгляд, в них проглядывал дьявол.

Раньше, набирая в армию рекрутов, сержант держал дьявола на коротком поводке, не позволяя ему высовываться, и именно тогда Шарп впервые встретился с Хейксвиллом. Теперь, когда необходимость дурачить и заманивать юных простаков на службу отпала, сержант выплескивал злобу на всех и каждого.

Застыв по стойке смирно, Шарп смотрел, как сержант развязывает тряпицу, защищавшую замок ружья от вездесущей красной пыли. Оглядев замок и не обнаружив ничего, к чему можно было бы придраться, Хейксвилл повернулся с ружьем к солнцу. Еще раз придирчиво все осмотрел, взвел и спустил курок, но уже в следующее мгновение утратил к оружию интерес, заметив приближающуюся к голове колонны группу офицеров.

— Рота! — рявкнул он. — Рота! Смирррно!

Солдаты сомкнулись, подтянулись и выпрямились, повернувшись к трем проезжавшим мимо офицерам. Хейксвилл замер в почти гротескной позе: ноги напряжены, голова и плечи отведены назад, живот выпячен, руки согнуты так, что локти почти касаются друг друга внизу спины. Другая рота 33-го Королевского полка осталась стоять как стояла. Такое проявление небрежности не произвело тем не менее никакого впечатления на старого слу-

жаку, который, стоило офицерам проехать мимо, прокричал роте команду «вольно» и снова принялся изучать мушкет Шарпа.

— Ничего не найдете, сержант, — сказал Шарп.

Хейксвилл, все еще стоявший навтыжку, исполнил сложный поворот, твердо поправ землю правой ногой:

— Разве я разрешил тебе открывать рот, Шарпи?

— Нет, сержант.

— «Нет, сержант»... Верно, не разрешил. Серьезная провинность, рядовой. Заслуживающая серьезной же порки.

Правая щека сержанта дернулась от непроизвольного спазма, искажавшего лицо каждые несколько секунд, и злобный лик дьявола проступил вдруг так отчетливо, что вся рота на мгновение задержала дыхание в ожидании ареста провинившегося бедняги. Тут орудие ухнуло в третий раз, по равнине прокатился гром, и ядро, ударившись о землю, продолжило путь по зеленеющему рисовому полю, оставляя за собой узкую полоску. Проследив за ним до полной остановки и убедившись, что ущерб роте вражеский посланец не нанес, сержант презрительно хмыкнул:

— Стрелки!.. Чертовы нехристи и навести-то толком не могут. Или, может, они с нами играют. Играют! — Он усмехнулся собственной шутке.

В состоянии такой редкой веселости, как подозревал Шарп, сержанта Обадаю Хейксвилла ввергло вовсе не волнительное ожидание битвы, а скорее перспектива близких потерь, боли и отчаяния, которые были для него слаще меда. Ему доставляло удовольствие видеть чужой страх, чужую трусость, потому что страх делал людей покорными, а контроль над несчастными людьми был для сержанта высшим блаженством.

Три конных офицера, остановившись в голове колонны, разглядывали в подозрные трубы далекую высотку, затянутую дымком от последнего выстрела.

— Это наш полковник, парни, — объявил Хейксвилл. — Полковник Артур Уэлсли собственной персоной. Благослови его Господь, потому что он джентльмен, а вы — нет. Приехал посмотреть, как вы деретесь, уж не оплошайте. Деритесь, как и подобает англичанам.

— Я шотландец, — буркнул кто-то в задних рядах.

— Кто это сказал? — Хейксвилл пробежал по роте злобным взглядом. Щека его задергалась. Будь он в другом, не столь приподнятом настроении, шутнику пришлось бы несладко, но сейчас радостное предчувствие боя затмило желание покарать, и реплика

прошла без последствий. — Шотландец! — фыркнул сержант. — Что хорошего может быть у шотландца в жизни? Отвечайте! — (Все молчали.) — Тогда я вам скажу. Дорога в Англию. Так написано в скрижалях, а потому так оно и есть. — Он поднял мушкет, еще раз оглядел притихший строй и рявкнул: — Я присмотрю за вами! Никто из вас еще не был в настоящем бою. Там, по ту сторону проклятого холма, кроется орда черномазых нехристей, которые только того и ждут, как бы добраться до ваших женщин, а потому, если хоть один из вас струсит, если хоть один из вас смалодушничает, я сдеру шкуру с остальных! Начисто! До мяса! Выполняйте свой долг и подчиняйтесь приказам — вот и все, что от вас требуется. А кто отдает приказы?

Сержант замолчал в ожидании ответа. В конце концов свой вариант предложил рядовой Маллинсон:

— Офицеры?

— Офицеры? Офицеры! — Хейксвилл скривился. — Офицеры здесь только для того, чтобы показать нам, за что мы деремса. Они ведь джентльмены. Настоящие джентльмены! Люди достойные и почтенные в отличие от вас, жалких оборванцев и воришек. Приказы отдают сержанты. Армия — это сержанты. Учтите, парни. Вам драться с нехристями, и если не будете слушать меня, считайте себя покойниками! — Очередная гримаса прошла по физиономии, челюсть вдруг отъехала в сторону, и Шарп, внимательно смотревший на сержанта, подумал, что, может быть, это из-за страха Хейксвилл такой речистый. — Смотрите на меня, парни, — продолжал сержант. — Смотрите на меня, и все будет в порядке. А знаете почему? — Выкрикнув последнее слово голосом драматического актера, он прошелся вдоль шеренги. — Знаете почему? — повторил Хейксвилл. Теперь он напоминал увещивающего грешников напыщенного проповедника. — Потому что меня нельзя убить! — В его хриплом голосе слышалась истинная страсть. Речь эту рота слышала не раз, но спектакль был достоин повтора, хотя сержант Грин, уступавший Хейксвиллу по чину, и отвернулся, не скрывая недовольства. Хейксвилл, с ухмылкой потянув за воротник, обнажил пересекавший горло старый темный шрам. — Петля висельника! Видите? Видите? Но я жив, парни, жив и хожу по земле, а не лежу в ней, и это доказательство того, что умирать не обязательно. — Он опустил воротник. — Отмечен Господом, — проникновенно закончил Хейксвилл. — Я отмечен Господом!

— Совсем сбрендил, — пробормотал Том Гаррард.

— Ты что-то сказал, Шарпи? — Сержант резко обернулся, но неподвижная поза Шарпа и тупо устремленный в пустоту взгляд бесспорно доказывали невиновность рядового. Хейксвилл прошелся вдоль строя. — Я видел, как умирали люди. Настоящие джентльмены, не чета вам, сброду. Да, я видел, как они умирали, но Бог пощадил меня! А потому, парни, делайте, как я скажу, иначе вы все станете падалью. — Он вдруг протянул Шарпу мушкет. — Оружие в порядке. Молодец, парень. — Сержант отошел, а Шарп с удивлением обнаружил, что тряпица на месте и аккуратно завязана узелком.

Похвала в адрес Шарпа удивила всю роту.

— А он сегодня в хорошем настроении, — прокомментировал Гаррард.

— Я слышу, Гаррард! — крикнул через плечо сержант. — Ушки на макушке, да. А теперь — тихо. Пусть нехристи не думают, что вы трусите! Помните, вы белые люди, выбеленные кровью ягненка, так что никаких разговорчиков в строю! Будьте как те чертовы монахини, которые за всю жизнь не издают ни звука, потому что им отрезали их папистские языки. — Он вдруг вытянулся в струнку и отсалютовал, прижав к груди алебарду с заостренным накопечником. — Все в строю, сэр! — проорал Хейксвилл голосом, долетевшим, наверно, до притаившихся за высоткой врагов. — Все в строю, и все тихо, сэр! Знают, что бывает за разговоры.

Лейтенант Уильям Лоуфорд придержал коня и кивнул сержанту. В роте Лоуфорд был вторым по старшинству после капитана Морриса, но в батальон попал совсем недавно и Хейксвилла побаивался так же, как и солдаты.

— Пусть разговаривают, сержант, — мягко заметил лейтенант. — Другие роты не молчат.

— Нет, сэр. Надо беречь дыхание, сэр. Для разговоров слишком жарко, а им еще надо драться с нехристами, так что нечего тратить силы на пустую болтовню. Так написано в скрижалях, сэр.

— Ну, как угодно, сержант.

Вступать в спор Лоуфорду не хотелось, а так как сказать было больше нечего, он, чувствуя на себе пристальные взгляды всех семидесяти шести солдат роты, смущенно отвернулся и посмотрел на занятую противником высотку. Лейтенант понимал, что в очередной раз проявил слабость, позволив сержанту навязать ему свою волю, и потому щеки его предательски зарделись. В полку к Лоуфорду относились хорошо, однако считали немного мягкотелым, хотя Шарп и сомневался в справедливости такого мне-

ния. Наверное, лейтенант просто еще не освоился в непривычной обстановке и ищет свое место в странном и иногда пугающем водовороте человеческих течений, а со временем Лоуфорд проявит себя жестким и отважным, но притом справедливым офицером. В конце концов, лейтенанту лишь двадцать четыре, должность свою он купил недавно, а потому еще не вполне освоился с полученной властью.

Прапорщик Фицджеральд, которому было всего восемнадцать, небрежно прогуливался чуть в стороне от строя, посвистывая и помахивая саблей.

— Сейчас выступим, сэр! — бодро крикнул он Лоуфорду и, не дождавшись ответа, с удивлением оглядел застывшую в зловещем молчании роту. — Вы что, боитесь?

— Берегут дыхание, мистер Фицджеральд, — сухо бросил Хейксвилл.

— Дыхание? Эти парни разобьют врага, даже если споют дюжину песен. Верно, ребята?

— Побьем супостатов, сэр, можете не сомневаться, — отозвался Том Гаррард.

— Тогда покажите, как вы умеете петь, — распорядился Фицджеральд. — Терпеть не могу тишину. Намолчимся в могилах, парни, так что давайте немного пошумим.

Обладая хорошим тенором, прапорщик затянул песенку о молочнице и настоятеле, и к тому моменту, когда они добрались до места, где рассказывалось, как голый и с завязанными глазами ректор, сгорая от страсти, приближается к корове Бесси, песню подхватила уже вся рота.

Допеть до конца, однако, не удалось, поскольку веселье оборвал подъехавший от головы колонны капитан Моррис.

— На полуроты! — крикнул он сержанту.

— На полуроты! Есть, сэр! Рота! Прекратить драть глотки! Слышали, что сказал офицер! — заревел Хейксвилл. — Сержант Грин! Командуйте задними шеренгами. Мистер Фицджеральд! Позвольте попросить вас занять место слева, сэр. Передние шеренги! Оружие — на плечо! Двадцать шагов вперед, шагом... марш! Живей! Живей!

Передние десять шеренг промаршировали на двадцать шагов вперед и замерли, оставив позади другие девять. По всему батальону роты перестраивались в две полуроты, выполняя маневр с такой четкостью, будто демонстрировали выучку у себя на йоркширском поле. Другие шесть батальонов 33-го полка делали то же са-

мое и с неменьшей точностью. Эти шесть батальонов состояли из местных солдат, находящихся на службе Ост-Индской компании, но обмундированных, как и королевские войска, в красные мундиры. Все шесть батальонов сипаев развернули знамена, и Шарп, заметив яркие флаги, посмотрел вперед, туда, где под жарким индийским солнцем затрепетали извлеченные из кожаных чехлов два огромных стяга 33-го полка. Один был британский, с вышитыми боевыми символами полка, второй — полковой, с эмблемой на алом поле, совпадавшем по цвету с отделкой мундиров. Развернутые шелковые полотнища заметил и враг — пушки на холме отозвались внезапной канонадой. Если раньше огонь вело только самое крупное орудие, то теперь ожили и пушки поменьше. Их было шесть, и посланные ими ядра улеглись на приличном расстоянии от всех семи разворачивающихся батальонов.

Майор Ши, ирландец, командовавший полком в отсутствие полковника Артура Уэлсли, взявшего на себя контроль над всей бригадой, подал лошадь назад, переговорил коротко с Моррисом и вернулся к голове колонны.

— Сбросим ублюдков с холма! — прокричал Моррис, обращаясь к пехотинцам, и, отвернувшись, прикурил сигару. — Любой, кто струсит, — продолжал он, убирая трутницу, — будет расстрелян. Слышите меня?

— Ясно, сэр! — крикнул в ответ Хейксвилл. — Расстрелян! Да! И ваши имена будут зачитаны у вас дома в церквях как имена трусов. Так что деритесь как англичане!

— Шотландцы, — проворчал голос за спиной Шарпа, но слишком тихо, чтобы сержант услышал.

— Ирландцы, — добавил другой.

— Среди нас нет трусов, — уже громко объявил Гаррард.

Сержант Грин, человек сдержанный и спокойный, укоризненно покачал головой:

— Тише, парни. Я знаю, вы все выполните свой долг.

Передняя колонна двинулась с места, задние остались, выжидая, чтобы батальон мог наступать с широкими интервалами между своими двадцатью полуротами. При таком построении, решил Шарп, расчет, очевидно, делался на то, чтобы уменьшить потери от обстрела вражеской артиллерией, которая пока, ведя огонь с максимальной дистанции, расходовала снаряды впустую. Далеко в тылу разворачивавшихся батальонов оставшаяся часть союзной армии ожидала, пока высота будет очищена от неприятеля. С того места, где стоял Шарп, струдившаяся масса людей пред-

ставлялась грозной силой, но он знал, что большая ее часть — это гражданский обоз обеих армий: торговцы, жены, маркитанты, скотники, поддерживавшие боевой дух и физическое состояние военных. Именно на их запасы рассчитывало командование в предстоящей осаде вражеской столицы. Шесть тысяч быков требовалось только для того, чтобы возить ядра для больших осадных орудий, и всю эту живность надо было пасти и кормить, а потому скотники и пастухи шли с семьями, которым, в свою очередь, тоже требовалась тягловая сила. Лейтенант Лоуфорд однажды заметил, что экспедиционные силы больше похожи не на армию на марше, а на огромное кочующее племя. Орду гражданских и животных окружала тонкая цепочка пехотинцев-красномундирников, состоявшая в большинстве своем из индийских сипаев, в чьи обязанности входило защищать торговцев, боеприпасы и тягловый скот от мобильной и эффективной легкой кавалерии султана Типу.

Султан Типу. Враг. Тиран Майсура и человек, по всей вероятности руководивший сейчас артиллерийским огнем. Типу правил Майсуром и был врагом, но что он представлял собой, почему считался врагом, был ли действительно тираном, супостатом или полубогом, ничего этого Шарп не знал. Солдату много знать не положено, и Шарпу вполне хватало того, что ему сказали о султанине, а потому он терпеливо, обливаясь потом под палящим индийским солнцем, ждал продолжения.

Капитан Моррис оперся о луку седла, сдвинул треуголку и вытер влажный лоб смоченным в одеколоне платком. Накануне вечером он изрядно набрался, и теперь в животе у него бурлило. Если бы батальон не собирался вот-вот вступить в бой, он отъехал бы подальше, нашел укромное местечко и опорожнил кишечник, но сделать это на глазах солдат было невозможно, не вызвав подозрений в слабости, а потому капитан поднял флягу и отхлебнул арака в надежде, что крепкий напиток смирит бушующие в желудке силы.

— Пора, сержант! — крикнул Моррис, когда передняя рота отошла на достаточное расстояние.

— Полурота, вперед! — заорал Хейксвилл. — Марш! Живей! Живей!

Лейтенант Лоуфорд, получивший в свое распоряжение последнюю полуроту батальона, подождал, пока люди Хейксвилла отойдут на двадцать шагов, и кивнул сержанту Грину:

— Командуйте.

Красные мундиры шли с незаряженными мушкетами, поскольку враг находился еще далеко и никаких признаков пехоты Типу или его гораздо более опасной кавалерии не наблюдалось. Только вражеские орудия на холме да кружащие в высоком знойном небе стервятники. В передней шеренге последней полуроты шел рядовой Шарп, и лейтенант, едва взглянув на него, не в первый уже раз подумал, какой у него отличный солдат. Худощавое, потемневшее от солнца лицо и пронзительные голубые глаза выражали уверенность, свидетельствующую о высокой компетентности, что внушало нервничающему перед первым боем лейтенанту хотя бы некоторый душевный комфорт. С такими, как Шарп, думать Лоуфорд, проиграть невозможно.

Шарп не заметил взгляда офицера и наверняка бы рассмеялся, узнай он, что его вид придает кому-то уверенности. Он плохо представлял, как выглядит, потому что редко смотрелся в зеркало, а когда смотрелся, отражавшийся образ не значил для него ничего. Шарп лишь знал, что нравится женщинам и что они тоже ему нравятся. Еще он знал, что у него самый высокий рост в роте. По этой причине он должен был бы идти сейчас впереди, в гренадерской роте, но шесть лет назад, сразу по вступлении в полк, командир роты легкой пехоты настоял на том, чтобы взять его к себе. Капитан Хьюз умер в Калькутте, став жертвой какой-то кишечной болезни, но до того успел собрать в своей роте самых сообразительных, самых расторопных солдат, на которых можно было положиться в любом бою и которые умели действовать самостоятельно. К сожалению, по-настоящему испытать их ему довелось лишь однажды, да и то случилось это во время спешной, неподготовленной высадки на туманное побережье Фландрии, где никакая расторопность и сообразительность не могли компенсировать очевидной глупости начальства. Теперь, пять лет спустя, рота снова шла на врага, только вместо энергичного и предприимчивого капитана Хьюза командовал ею капитан Моррис, которому было наплевать, что у него за солдаты и насколько они сообразительные и расторопные, — капитана заботило только одно: чтобы его поменьше беспокоили. Потому-то Моррис и взял в роту сержанта Хейксвилла. И по той же самой причине высокий, уверенный в себе и компетентный рядовой Ричард Шарп подумывал о побеге.

Впрочем, если и бежать, то не сегодня. Сегодня их ждал бой, и Шарпа такая перспектива не только не пугала, а наоборот — радовала. Сражение — это добыча, трофеи, и если уж думать о побеге

и о том, чтобы начать собственную жизнь, то неплохо бы иметь кое-что про запас.

Семь батальонов приближались к высотке. Шли они колоннами по полуроте, так что стервятникам, должно быть, представлялись в виде ста сорока крохотных красных прямоугольников на зеленеющей равнине. Прямоугольники размеренно двигались к холму, на котором их ждали вражеские орудия. Сержанты шагали сбоку от колонн, офицеры впереди — либо пешком, либо в седле. Издалека прямоугольники казались, наверное, ровными и аккуратными, в действительности же дела обстояли иначе. Шерстяная форма хороша для боевых действий в туманной Фландрии, но не в знойной Индии — краска полиняла под дождем, так что мундиры были скорее розовыми или тускло-фиолетовыми, чем красными, а высохший пот оставлял на них белые пятна. Высокий и жесткий кожаный воротник впивался в кожу и натирал шею; туго зачесанные назад длинные волосы смазывались свечным воском и убирались в специальный кожаный мешочек, перехваченный для надежности кожаной полоской. Затем волосы пудрили белой мукой, и хотя со стороны все это выглядело аккуратно, на самом деле солдатская голова представляла собой рай для вшей и прочих насекомых. Сипаям в этом смысле было легче. Они не посыпали волосы мукой, не носили бриджей и маршировали босиком. Не было у них ни кожаных воротников, ни — что самое удивительное — такого наказания, как порка.

Вражеское ядро нашло наконец цель, и Шарп увидел, как полурота вдруг рассыпалась, уступая место скачущему круглому снаряду. На мгновение в воздух над строем взметнулся красный фонтанчик. Сержант сомкнул ряды, а на земле остались двое. Еще двое солдат захромали, и один из них, сделав несколько шагов, пошатнулся и упал. Шедшие под знаменами барабанщики отбивали ритм четкими ударами, перемежая их более быстрой россыпью; проходя мимо двух кучек развороченной плоти, которые только что были солдатами гренадерской роты, мальчишки невольно ускорили темп и разогнали полк так, что майору Ши пришлось их притормаживать.

— Когда же заряжать? — спросил у сержанта Грина рядовой Маллинсон.

— Когда скажут, парень. Не раньше. О господи!

Последняя реплика сержанта была вызвана оглушающим залпом. Огонь открыли легкие орудия Типу, и вершину холма за-

волокло серовато-белым дымом. Две легкие пушки британцев ответили, но из-за скрывающей высоту дымной завесы оценить нанесенный ими урон не представлялось возможным. Справа появилась индийская кавалерия — люди в алых тюрбанах, с длинными, грозного вида копьями.

— И что? — пожаловался Маллинсон. — Так и будем наступать с незаряженными мушкетами?

— Скажут наступать с незаряженными, будем наступать с незаряженными, — ответил Грин. — А теперь прикуси язык.

— Потише там! — крикнул шедший впереди Хейксвилл. — Здесь вам не приходской пикник! Мы на войне!

Шарп развязал тряпицу, снял ее с замка и убрал в карман, где лежало подаренное Мэри кольцо. Простое, незамысловатое, затертое серебряное колечко, принадлежавшее когда-то сержанту Биккерстаффу, мужу Мэри. Сержант умер, и Грину перешли его нашивки, а Шарпу досталась вдова. Мэри приехала из Калькутты. Там делать нечего, размышлял Шарп. В Калькутте полно красномундирников.

Перспективы побега отступили, потому что пейзаж впереди вдруг заполнился вражескими солдатами. Пехота спускалась с холма по северной стороне и сворачивала на равнину. Сиреневая форма, на головах широкополые красные шляпы. Обуви они, как и британские сипаи, не носили. Красные с желтым флаги обвисли, так что рассмотреть их Шарпу не удалось.

— Тридцать третий! — долетел издали чей-то голос. — В шеренгу слева!

— В шеренгу слева! — эхом подхватил капитан Моррис.

— Слышали офицера? — завопил Хейксвилл. — В шеренгу слева! Живей!

— Торопись! — присоединился к нему сержант Грин.

Первая полурота остановилась, все остальные стали пристраиваться к ней слева. Последней полуроте, в которой шел Шарп, пришлось проделать самый долгий путь на фланг. Солдаты побежали, ранцы, патронные сумки, ножны штыков запрыгали, затряслись. Колонна, только что двигавшаяся напрямик в сторону холма, разворачивалась в линию, становясь на пути вражеской пехоты.

— В две шеренги! — снова долетел издали голос.

— В две шеренги! — эхом откликнулся капитан Моррис.

— Слышали офицера? — заорал Хейксвилл. — В две шеренги! Живее!

СОДЕРЖАНИЕ

ТИГР СТРЕЛКА ШАРПА	5
ТРИУМФ СТРЕЛКА ШАРПА	301
КРЕПОСТЬ СТРЕЛКА ШАРПА	613

Корнуэлл Б.

К 67 Тигр стрелка Шарпа ; Триумф стрелка Шарпа ; Крепость стрелка Шарпа : романы / Бернард Корнуэлл ; пер. с англ. С. Самуйлова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 928 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-17988-2

В начале девятнадцатого столетия Британская империя простиралась от пролива Ла-Манш до просторов Индийского океана. Одним из строителей этой империи, участником всех войн, которые вела в ту пору Англия, был стрелок Шарп.

В романе «Тигр стрелка Шарпа» герой участвует в осаде Серингатама, цитадели, в которой обосновался султан Типу по прозвищу Тигр Майсура.

В романе «Триумф стрелка Шарпа» герой столкнется с чудовищным предательством в рядах английских войск и примет участие в битве при Ассайе против неприятеля, имеющего огромный численный перевес.

В романе «Крепость стрелка Шарпа» героя заманят в ловушку и продадут индийцам, которые уготовят ему страшную смерть.

Много испытаний выпадет на долю бывшего лондонского беспризорника, вступившего в армию, чтобы спастись от петли палача. И его судьба окажется накрепко сплетена с судьбой герцога Веллингтона, будущего победителя Наполеона при Ватерлоо.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ТИГР СТРЕЛКА ШАРПА
ТРИУМФ СТРЕЛКА ШАРПА
КРЕПОСТЬ СТРЕЛКА ШАРПА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Ирина Киселева

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.02.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 58. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-88H-26558-01-R